

Ходасевич В. Ф. Летучие листы. «Числа» // Возрождение. 1930. 27 марта. [Khodasevich V. F. Letuchie listy. «Chisla» // Vozrozhdenie. 1930. 27 marta.]

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 13 : Пьесы, 1895—1904. М., 1978. 527 с. [Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. T. 13 : P'esy. 1895—1904. M., 1978. 527 s.]

Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. 278 с. [Yanovskii V. S. Polyа Eliseiskie. SPb., 1993. 278 s.]

Статья поступила в редакцию 03.10.2013 г.

УДК 821.161.1 Газданов + 94(100)“1939/45” + 325.2

Ю. В. Матвеева

СОВЕТСКИЙ МИР В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКАХ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

На материале литературного наследия Гайто Газданова (художественные и публицистические тексты, критика, письма) рассматривается проблема сложного отношения писателя к советской России, ее идеологии, политике и культуре. Выделяются три периода в развитии взаимоотношений Газданова с советским миром: 1) 1920—1930-е гг., когда еще была допустима мысль о возвращении; 2) Вторая мировая война и послевоенные годы — время человеческого сближения с советскими людьми, а потом вторичного самоопределения относительно советской политики; 3) работа на радио «Свобода».

Ключевые слова: Гайто Газданов; русская эмиграция; советский мир; Вторая мировая война, радио «Свобода»; советская литература; русская эмигрантская литература.

Взаимоотношения с советской Россией многое определяли в русском эмигрантском сообществе. Это был как раз тот камень преткновения, о который разбивались семьи, многолетние привязанности, человеческие жизни. Можно вспомнить здесь и семью М. Цветаевой, и суд над Н. Плевацкой, страшную ее кончину во французской тюрьме, возвращенческие истории А. И. Куприна, А. Н. Толстого, В. Шкловского, А. Вертинского, Ант. Ладинского, В. Сосинского, трагический финал митрополита Евлогия, крушение всежизненной дружбы И. А. Бунина и Б. К. Зайцева, печальный конец Д. С. Мережковского и П. Н. Краснова. Конечно, это лишь те случаи, которые всем хорошо известны и не нуждаются в комментариях, но и по ним можно догадаться о той душевной и психологической драме, которую русские эмигранты переживали; каждый, разумеется, по-своему.

В одном из своих эссе поэт Б. Поплавский писал, что «с Россией у каждого... свои личные счета, в тайну которых невозможно проникнуть со стороны» [Поплавский, с. 123]. Однако ясно, что эта тайна часто и до сих пор остается непроницаемой, а тема взаимоотношений белых эмигрантов с их бывшей Родиной сложна, трагична, неоднозначна.

Никто из эмигрантов не избежал необходимости сделать выбор или хотя бы высказаться по существу, т. е. самоопределиться относительно советской власти и Советской страны. Отношение это менялось во времени в зависимости от поворота личных судеб, конкретных обстоятельств и общего хода истории: одна ситуация была в начале 1920-х, сразу после Гражданской войны, другая — в 1930-е гг.; новое качество взаимоотношений с Советским Союзом возникло во время Второй мировой войны, потом (после 1946 г., озаменованного указом о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи) наступил еще один этап. Словом, тема неисчерпаемая и уж конечно же заслуживающая большого развернутого исследования¹. В пределах же данной статьи постараемся к ней прикоснуться, так сказать, в частном аспекте и показать, как этот сложный, острovolнующий, изменчивый диапазон смыслов, связанных с советским миром, нашел свое непосредственное отражение в литературной рефлексии Гайто Газданова. Оговоримся сразу, что под литературной рефлексией понимаем не только художественное творчество писателя, но и его критические и публицистические тексты, эпистолярное наследие, записи выступлений на радио. В общем, все дошедшие до нас словесные проявления его личности, по которым можно судить о его взглядах, пристрастиях и оценках.

Как писатель Газданов вернулся в Россию сравнительно поздно, накануне окончательного исхода советской власти, когда в 1990 г. вышли составленные Ст. Никоненко и Р. Х. Тотровым три сборника его прозы [см.: Газданов, 1990а; 1990б; 1990в]. И это несмотря на то, что, например, в Осетии о нем давно знали, и Аза Асламурзаевна Хадарцева вступила с ним в переписку еще в середине 1960-х гг. Скорее всего, у Газданова, как и у Б. К. Зайцева, в советских органах безопасности был имидж закоренелого антикоммуниста, ярого врага советской власти. Да и как мог выйти в свет роман «Вечер у Клэр» или роман «Ночные дороги» (оба были посланы Хадарцевой), когда их автор многие годы возглавлял русскую службу на радио «Свобода»². Сотрудничать с этой радиостанцией, возглавлять редакцию русского отдела по советским меркам автоматически означало находиться среди ярых антисоветчиков. Любой бывший гражданин СССР, слушавший «Свободу» в конце 1960-х — 1970-е гг., помнит, сколь горячи и далеки от индифферентности были передачи этого радио, каким мощным был разоблачительный пафос его голосов.

Газданов никогда не был человеком политики, но так случилось, что последние без малого двадцать лет жизни был к ней приобщен, и сомнений в его позиции, хотя бы в силу служебного положения, быть не могло. Комментируя эту сторону жизни и эту сферу деятельности Газданова, Т. Н. Красавченко во вступительной статье к пятому тому собрания сочинений писателя с пониманием и сочувствием пишет: «Очевидно, что работа на “Свободе”, учреждении,

---

¹ Тема взаимоотношений эмигрантов с советской Россией была поднята и, пожалуй, впервые укрупнена в кн.: [Ваксберг, Герра].

² Как сообщает первый биограф Газданова Л. Диенеш, Газданов начал работать на радио «Свобода» 7 января 1953 г., с момента создания станции [Диенеш, с. 81].

идеологически ориентированном, была для него нелегким выбором. И в эмигрантской среде, и для французов — это означало работу “на американцев”, “на ЦРУ” и зачастую вызывало осуждение. <...> Из писем Газданова видно, что у него скребли кошки на душе» [Красавченко, 2009, с. 5]. О необходимой тенденциозности, которой нужно было следовать, говорит и Л. Диенеш. Однако оба исследователя не случайно подчеркивают внутренний драматизм положения, в котором оказался Газданов, ведь, как ни парадоксально, из огромного ряда писателей русского зарубежья он-то как раз всегда был одним из самых независимых и объективных, и нет ничего более несправедливого, чем однозначное представление о нем.

Поучаствовав в Гражданской войне и оказавшись за границей в семнадцать лет, Газданов начинает жизнь эмигранта, в которой энергия притяжения и отталкивания от возникшей и крепнущей с годами советской действительности/культуры/идеологии непрерывно давала о себе знать. У него не было личных счетов с большевиками, из Гражданской войны он вынес трагический личный опыт, но не заряд ненависти. Идейным белоэмигрантом не был. Об этом говорит его проза 1920—1930-х гг., где Россия, объята Гражданской войной, предстает скорее в романтическом свете [см. об этом: Матвеева]. В эти годы Газданов, по-видимому, вообще допускает для себя возможность вернуться в Россию. Вот, например, он пишет в 1924 г. из Парижа своему другу Никите Муравьеву (начитавшись предварительно «Писем не о любви» В. Шкловского, что важно, т. к. заканчивались эти «Письма...» обращением во ВЦИК с просьбой вернуться, о чем, собственно, помышляет и Газданов): «Я не могу сейчас поехать в Россию — только потому, что я не знаю еще французского, немецкого и английского, и я не был в Лондоне и Берлине. <...> Я не хочу ехать в Россию невежественным эмигрантом, забывшим русское, оставшим от России — и не увидевшим, что такое Европа» [Газданов, 2009, с. 26]³.

В 1935 г. Газданов обращается к Горькому «с просьбой о содействии», где выражается вполне определенно: «Я хочу вернуться в СССР, и если бы Вы нашли возможным оказать мне в этом Вашу поддержку, я был бы Вам глубоко признателен. <...> В том случае, если бы Ваш ответ — если у вас будет время и возможность ответить — оказался положительным, я бы тотчас обратился бы в консульство и впервые за пятнадцать лет почувствовал, что есть смысл и существования, и литературной работы, которые здесь, в Европе, не нужны и бесполезны» [т. 5, с. 43]. Последние слова не были для Газданова (абсолютно лишённого способности лицемерить) преувеличением. Взгляд его в то время на эмигрантскую литературу, особенно на «молодую» эмигрантскую литературу, был пессимистически-безотрадным: в 1931 г. напечатаны его «Мысли о литературе», а немного позднее письма к Горькому, в 1936 г. в «Современных записках» вышла скандально известная статья «О молодой эмигрантской литературе».

---

³ Далее все тексты Г. Газданова цитируются по этому изданию с указанием в скобках соответствующего тома и страницы.

Кроме того, оба десятилетия (1920—1930-е) Газданов активнейшим образом читает советских авторов. В письмах к Н. Муравьеву 1924 г. не только упоминает Есенина, Пастернака, Тихонова, Шкловского, Эренбурга, но посылает переписанные от руки стихи — «Москву кабацкую», «Песнь о хлебе», «Исповедь хулигана», знаменитые тихоновские баллады — и о синем пакете, и о гвоздях, и об отпуском солдате. «Есть еще стих Тихонова, — тоже сила у него — страшная подчас, — волосы могут дыбом встать» [т. 5, с. 28]; «У Пастернака — совсем изумительные стихи, — я не всегда их сразу понимаю» [т. 5, с. 25]. Подобные отклики говорят об искреннем и восторженном интересе к литературе, создаваемой в советской России. Вернее, эта литература еще не маркируется начинающим прозаиком как «советская», она просто зажигает, служит примером.

Позднее, в конце 1920-х—1930-е гг. (и это вполне закономерно) формой отклика на советскую литературу станет для Газданова жанр критической рецензии. Причем написано их больше, нежели размещено в эмигрантских изданиях. Благодаря опубликованным архивным материалам в пятитомном собрании сочинений писателя мы можем отчасти воспроизвести тот ряд произведений и авторов, на которые он откликнулся. Это И. Эренбург, А. Мариенгоф, А. Толстой, В. Катаев, Е. Зозуля. Газданов становится сдержаннее и строже, его критика теперь вполне профессиональна, но, что важнее всего, он по-прежнему читает литературу, создаваемую по ту сторону советской границы.

Надо сказать, что к советским писателям Газданов предъявляет требования самого высокого уровня, не стесняясь уничтожающих выводов и жесткой иронии. Эренбург для него — «меньше всего писатель и уж никак не беллетрист», «журналист» «с небольшим запасом идейного баланса», разменивающийся на «грошовую литературу» [т. 1, с. 763]. Мариенгоф имеет лишь одно достоинство — «книги он пишет довольно короткие» [т. 1, с. 766]. Даже А. Толстой с его «Петром Первым» — «самый лучший из второстепенных писателей», который «лишен, однако, тех качеств, которые могли бы сделать его имя мировым» [т. 1, с. 767].

В рецензии 1930 г. на сборник рассказов В. Катаева «Отец» ощущается, что Газданов к этому времени прекрасно разобрался в процессах, происходящих с литературой в советской России: усиление партийного диктата, уничтожение индивидуальности творца. Теперь для Газданова это именно «советская литература», т. е. литература, всецело поставленная на службу идеологии: «Нынешний период российской литературы особенно скучен и тяжел: витрины литературных магазинов заполнены колхозными, ударными и прочими повестями, за которые берутся юркие полужурналисты, полуспекулянты, но меньше всего литераторы» [т. 1, с. 770]. Безотрадный советский контекст придает книге В. Катаева, как считает Газданов, особое значение: «Теперь, когда произведения не непосредственно пропагандного или комментаторского характера становятся в России редкостью, — этой книге читатель должен обрадоваться» [Там же, с. 769]. Те же мысли о советской литературе, но с большим размахом философского обобщения будут высказаны Газдановым в его программной

статье «Мысли о литературе»: «...советская литература является событием еще небывалым в мировой истории культуры, она биологически не похожа на литературу-искусство в том смысле, в каком мы привыкли это понимать» [т. 1, с. 732].

Газданов, активно участвующий в литературной жизни русского Парижа, много читающий и пишущий, вырабатывающий именно в эти годы свою эстетическую и философско-этическую платформу, в то же время постоянно оглядывается на советскую литературу и советских авторов, причем, не отделяет ее от всего того, что происходит в эмигрантской литературе и даже в литературе европейской. Так, в вышеупомянутой статье «Мысли о литературе» Газданов одинаково скептически рассуждает о некоей вульгаризации, которая в равной мере присутствует и в литературе эмиграции, и в литературе советской: «Есть еще одно любопытное явление, несколько приближающее эмигрантскую литературу к советской — в одном определенном смысле: как здесь, так и там в искусство насильственно вводятся “инородные тела”. Там — это пятилетка и строительство, здесь — это религия и какой-то своеобразный патриотизм, с подлинным патриотизмом имеющий очень мало общего» [Там же, с. 734].

В другой статье («Литература для масс»⁴), тоже посвященной литературе современной, в частности проблеме ее культурной миссии, Газданов рассматривает советскую литературу как неудавшуюся утопию, неудавшуюся попытку реализовать исконную просветительскую и окультуривающую миссию искусства слова. Неудачную — потому что подлинной «литературы для масс» (в идеальном, лучшем смысле этого слова) не получилось, ибо «теперешняя советская литература, подчиняющаяся политической администрации, вынуждена издавать книги заведомо плохие» [Там же, с. 755].

Возвращаясь к «советским» рецензиям Газданова, можно назвать еще одну, тоже по каким-то причинам не опубликованную вовремя, но важную для понимания человеческой позиции писателя: она посвящена документальной книге руководителя спасательной экспедиции ледокола «Красин» Р. Л. Самойловича «SOS в Арктике». Конечно, книга Самойловича не могла не понравиться Газданову и как проза непридуманная, обращенная к экстремальным обстоятельствам и людям, оказавшимся один на один со смертью, и потому что написана она не литератором-профессионалом, а человеком действия — свидетелем и участником событий. Газданов откровенно радуется за красинцев, за советских авиаторов Чухновского и Бабушкина, «которым, собственно, экипаж “Италии” и обязан своим спасением» [Там же, с. 771]. И здесь говорит уже не молодой и весьма взыскательный писатель-западник, а русский патриот, который «не без некоторой эгоистической гордости» констатирует, что «русскому экипажу “Красина” и русским авиаторам принадлежит в этих событиях самая почетная роль» [Там же, с. 772].

---

⁴ Статья сохранилась в архивах писателя и была опубликована только в пятитомном собрании его сочинений.

Таким образом, уже в этот довоенный период в газдановских оценках советской культуры, литературы и общества, а также в самом поведении писателя по отношению к советской стороне присутствуют разные коннотации. Газданов никогда не заигрывал с советской властью: не подавал прошений в советское посольство, не участвовал в евразийстве, не был членом Союза друзей Советского Отечества. Однако был готов в 1935 г. вернуться в СССР, печатался, как замечает Т. Н. Красавченко, «в основном в левых, по преимуществу эсеровских изданиях», никогда не в монархических [Красавченко, 2004, с. 108], находился в самых лучших отношениях с редактором «Воли России» М. Слонимом и писателем М. Осоргиным, людьми исключительно демократических взглядов и репутаций. В художественном творчестве Газданова 1920–1930-х гг., и это показательно, рефлексия на советский мир (но не рефлексия на Гражданскую войну) отсутствует.

Следующим этапом соприкосновения с советским менталитетом, советским образом жизни и мышления, с советской психологией и идеологией станет для Газданова период Второй мировой войны и последовавшие за ним годы. Биография Газданова этого времени в самых общих и главных чертах хорошо известна. Писатель занимал однозначно антифашистскую позицию, вместе с женой участвовал в Соппротивлении, где узнал многих советских людей, разными путями оказавшихся во Франции и продолжающих здесь сражаться всеми возможными для них способами. О них Газданов напишет книгу «Je m'engage a défendre», которая выйдет на французском языке в 1946 г., и это будет беспрецедентный в эмиграции акт не только узнавания людей нового советского мира, но и увековечивания памяти об их героизме. Причем увековечивания и во французской военной истории (французский язык книги), и, как ни парадоксально, в военной истории советской. Газданов прекрасно понимает, что «сами о себе они (советские партизаны. — Ю. М.) не напишут и даже не расскажут», а потому должен найтись кто-то, чье свидетельство поможет утвердить справедливость и «благодарность над забвением». Роль такого свидетеля он и берет на себя, всячески подчеркивая свою незаинтересованную позицию («...я не советский гражданин и не коммунист» [т. 2, с. 694]), чтобы акцентировать объективность собственных показаний. Об этой книге Газданова в последнее время немало написано, поэтому остановимся лишь на том аспекте узнавания советских людей, который непосредственно связан с нашей темой.

Создавая документальное повествование, Газданов, конечно, идет тем же путем, что и в своей художественной прозе, т. е. раскрывает главным образом не ход событий, а эмоционально-психологические движения и катаклизмы, происходящие внутри человека. Так, портреты советских людей в книге «На французской земле» выстраиваются в целую галерею человеческих образов. Это мужчины и женщины, представители разных возрастных групп, включая подростков. В том, как они схвачены, как изображены, ощущается писательское мастерство Газданова, узнается его давно сложившаяся система типологизации персонажей. Неуловимый конспиратор Антон Васильевич, наделенный способностью к «своеобразной социальной мимикрии», заставляет вспомнить

обо всех героях Газданова, обладающих гибкостью души и понимания, особенным жизненным слухом и артистизмом. Капитан Васильев, командир партизанского отряда, человек с «решительным выражением глаз», поддерживающий «строжайшую дисциплину», а с другой стороны — мастер рассказов и заядлый любитель рыбной ловли, вписывается в огромную парадигму газдановских персонажей, способных вести двойное существование — внешнее и внутреннее, в прошлом и в настоящем. Советские девушки обладают теми качествами, которые столь ценит Газданов во многих своих героинях — стихийной гармоничностью, близостью к природе, особой теплотой.

Но чаще всего в описаниях советских людей сквозят черты наиболее романтических героев Газданова. Вот, например, образ лейтенанта Василия Порика. С его невероятной силой и выносливостью, с его удивительной крепостью духа и способностью к какому-то запредельному, почти былинному героизму («Бой продолжался три часа... <...> Порик был один — против тридцати человек...» [т. 2, с. 609]) он явно продолжает ряд таких газдановских персонажей, как Данил Живин («Вечер у Клэр»), Мартын Расколинос («Мартын Расколинос»), Павлов («Черные лебеди»), Артур Томсон («История одного путешествия»). Те же проявления героически-чрезмерного, годные для средневекового эпоса, Газданов замечает и в других советских людях, и вообще в той силе сопротивления, на которую они оказались способны: тринадцатилетний мальчик превращает свою короткую жизнь в сплошную охоту на немцев, сбежавший из плена Антон Васильевич и двое его товарищей организовали партизанский отряд, который через месяц насчитывал 18 тысяч человек. Примечательно, что качество этого героизма и его масштабы связываются Газдановым именно с советским периодом российской истории: «И вот оказалось, что с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью Россия воспитала несколько поколений людей, которые были созданы для того, чтобы защитить и спасти свою родину. <...> И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, — вопрос о Восточном фронте очень скоро перестал бы существовать. Но эти люди были непобедимы» [Там же, с. 732—733].

Через все повествование отдельной вычлняемой нитью проходит тема антропологических, психологических, социальных и бытовых наблюдений над советскими людьми. И здесь зоркость Газданова, способность его к глубоким социологическим обобщениям проявились в полной мере. Он отмечает совершенно разные вещи, сумма которых дает достаточно объективное представление о советском человеке в восприятии европейца. Прежде всего это чисто физиогномические свойства: «у них... удивительные голоса», которым присуща «какая-то другая тональность»; «телесная выразительность»; невероятная «физическая сопротивляемость»; «тяготение к природе»; «у огромного большинства из них... неевропейские лица». Замечает Газданов и особенности психологические, связанные с системой воспитания и окружающей социальной действительностью: «они чаще всего избавлены от забот о насущном хлебе» и питают к государству «безграничное, без тени сомнения, доверие», «не чувствуют, так сказать, контуров режима, они не представляют себе ничего другого»;

«не представляют себе жизни вне чего-то ударного»; «быстрая приспособляемость к внешним условиям жизни»; «у них нет быта»; о девушке Наташе: «как большинство советских людей, ее тянуло к культуре», она «очень много читала», ее мир тот же, что «был характерен для девушек ее возраста 20—30 лет назад», но «в ней не было, пожалуй, того движения идей, той свободы сравнительного суждения, которая существовала раньше» [т. 2, с. 683].

Кроме того, и это особенно интересно, Газданов говорит о принципиальных отличиях советского человека от европейца — об «огромной, непроходимой разнице, которая существует между системой их [советских партизан] понятий и тем, что можно было бы назвать средневропейскими социальными и экономическими концепциями» [Там же, с. 630]: «они все выросли и воспитались в таких условиях, о которых Европа не имеет представления», отсюда — другое понятие собственности: «они не могут понять, как кафе или магазин могут принадлежать какому-то частному человеку», не знают, что такое государственная монополия, что такое стремление к личному обогащению [Там же, с. 632], им «непонятна привязанность к вещам или книгам, ценность тех или иных предметов» [Там же, с. 632]; не понимают советские люди и бытового уклада европейцев: «эти наглухо закрытые квартиры», «эта замкнутость в других». Из многочисленных наблюдений и замечаний видно, что Газданов действительно сформировал объемное представление о советских людях. Конечно, он много не знал, о многих вещах мог судить по тем ортодоксальным реакциям, которые были характерны отнюдь не для всех, но лишь для истинно «простых» советских граждан, выросших под влиянием идеологии. И все-таки, когда писатель признается: «Теперь, после того, как я встречался и подолгу говорил обо всем со многими советскими людьми, мне кажется, я себе представляю их довольно ясно» [Там же, с. 614], нет сомнений, что он имел право на эти слова.

Однако, в отличие от «военных» книг, например книг В. Андреева («Дикое поле», 1966; «Герои Олерона», 1965), вышедших в СССР, книга Газданова о советских партизанах во Франции так и осталась неизвестна российскому читателю вплоть до 1995 г.⁵ Ни участие в Сопротивлении, ни знакомство с живыми, реальными советскими людьми не заставили Газданова взять советский паспорт, как это сделали друзья его юности В. Сосинский, Н. Муравьев, как это сделали В. Андреев, Ант. Ладинский, ободренные и обольщенные советской победой и постановлением 1946 г. Как и в 1930-е гг., Газданов опять остается при своем мнении.

Ситуация второй половины 1940-х гг. и логика человеческого поведения Газданова подробно рассматриваются в исследованиях Л. Диенеша и Т. Н. Красавченко. Но в качестве примера широты и демократизма взглядов Газданова послевоенного периода нельзя не упомянуть вслед за ними письмо, написанное в ноябре 1947 г. секретарю Союза русских писателей и журналистов в Париже В. Ф. Зеелеру, где в самой вежливой и уважительной форме Газданов заявляет о своем выходе из Союза в знак глубокого несогласия с исключени-

⁵ Впервые на русском языке появилась в журнале «Согласие» в 1995 г.

ем из него писателей, получивших советские паспорта. В письме Газданов говорит о том, что решающим для него фактором в отношении конкретных людей являются «правила элементарной порядочности» и абсолютно неприемлемы «начала тоталитарной “идеологии”». Это при том, что сам Газданов именно на почве взаимоотношений с СССР разошелся с некоторыми из своих старых друзей, а всеобщее увлечение советским патриотизмом заставило его насторожиться, стать критичнее и сдержаннее по отношению к советской стороне. Эту настороженность, эту нравственную разборчивость, или, как выражается сам писатель, «политическую брезгливость», демонстрируют, в частности, его письма Б. К. Зайцеву 1946 г., где Газданов спрашивает совета, а потом благодарит «за разъяснения» по поводу альманаха «Подорожник», политическая ориентация которого ему неясна: «Мне очень хотелось бы знать, в чем дело, т. к. мне меньше всего улыбается перспектива “влипнуть” в какое-нибудь политическое недоразумение и напечатать свою вещь рядом с каким-нибудь “гениальным товарищем Сталиным” или “великими заветами Ленина”» [т. 5, с. 69]; «Кроме того, я полагаю, что если бы какому-нибудь эмигрантскому писателю непременно хотелось бы заслужить благоволение советского правительства, то он бы и без «Подорожника» легко нашел бы к этому путь. Мне лично подобное желание идеально чуждо» [Там же, с. 70].

В целом, Газданов оказался гораздо более чутким и прозорливым, чем многие современники-эмигранты. Не случайно именно в 1940-е гг. размышления о теоретико-философских и политических основаниях такого государства, каким виделась ему Советская Россия, проникают в его художественное творчество: герой предвоенного романа «Ночные дороги» эмпирическим путем опровергает идею возможного социального и интеллектуального равенства, а герой романа «Возвращение Будды» погружается в абсурдную и зловещую реальность тоталитарного государства.

Вспомним, что первая редакция «Возвращения Будды» датирована 1948-м г. В конце 1947 г. написано письмо В. Ф. Зеелеру. К этому же времени относится и еще одно свидетельство позиции Газданова — его масонский доклад на тему «Советская проблема (новый правящий класс)», который, как сообщает А. И. Серков на основе сохранившихся архивных данных, был прочитан 8 апреля 1948 г. [Серков, с. 730]. Из совокупности этих сгруппированных во времени фактов видно, что «советская проблема» в 1940-е гг. и особенно после войны остро волновала Газданова. Во всяком случае, после 1946 г. он не занял просоветских позиций, как многие патриотически настроенные эмигранты. Органичное для него отторжение любого антииндивидуального, антиличностного начала было, скорее всего, главным аргументом в пользу Запада.

В 1953 г. настал новый период в жизни писателя, связанный с работой на радио «Свобода», где под псевдонимом Георгий Черкасов он был автором-редактором русской службы и корреспондентом Парижского бюро радио «Свобода», главным редактором русской службы в Мюнхене⁶. В 1930—1940-е гг.

⁶ Эти должности называет в своей книге Л. Диенеш [Диенеш, с. 81].

занимались журналистикой герои газдановских романов, и вот теперь сам автор, словно претворяя в жизнь собственные вымыслы, становится радиожурналистом.

О взглядах Газданова этого периода можно судить по сохранившимся записям его радиопередач, письмам, масонским докладам. Трудно представить себе, чтобы Газданов мог пойти на американское радио «Свобода», не имея никакой положительной цели по отношению к России и русской культуре. «Учитывая характер Газданова, — пишет Т. Н. Красавченко, — можно предположить, что он выбрал радио «Свобода», руководствуясь желанием говорить правду, просвещать тех, кому морочили головы» [Красавченко, 2004, с. 112]. По сути дела, Газданов в затянувшейся игре между русской эмиграцией и советской властью делает свою ставку, причем не маленькую. И вполне естественно, что его любимым полем для идейной полемики становится поле культуры и литературы.

Писательский профессионализм и художественный дар Газданова обретают еще одно воплощение в форме целого ряда авторских культурно-политических программ: «В мире книг», «О книгах и авторах», «Беседы за круглым столом», «Перед занавесом», «Дневник писателя». Георгий Черкасов беседует по актуальным вопросам культуры с В. Вейдле, Г. Адамовичем, Н. А. Струве, заказывает «скрипты» и организует выступления таких интересных авторов, как Ю. Иваск и Л. Ржевский, создает собственную серию радиомонологов, среди которых можно выделить комментарии («О нашей работе»), юбилейные речи и посвящения («О Б. К. Зайцеве», «Федор Степун», «Об Алданове»), словесные портреты («Андреа Каффи», «О Ремизове»), рецензии («Русская поэзия на французском языке»), размышления по поводу («Оценка творчества и испытание временем», «Пропаганда и литература», «По поводу Сартра»). Из сохранившихся записей видно, что Газданов как радиожурналист и редактор преследует две цели: просветительскую и аналитически-разоблачительную. Своей аудитории — советской интеллигенции — он стремится рассказать о том, о чем она наверняка не знает: об эмигрантских писателях, философах и ученых, о неизвестных советскому читателю произведениях. Так, в передаче о Бунине («О нашей работе № ») Газданов оговаривает свой интерес к «Воспоминаниям» Бунина именно тем, что в СССР они не были изданы. Целый ряд передач посвящен представителям европейской (Ж. П. Сартру, М. Прусту, П. Валери) и русской эмигрантской (Ф. Степуну, Б. Зайцеву, А. Ремизову, М. Алданову) культуры.

С другой стороны, Газданов предлагает своим слушателям темы с явным социально-политическим уклоном: о соотношении литературы и общества, литературы и политики, социального и художественного начала в литературном творчестве. И здесь Газданов достигает настоящего диссидентского пафоса (не случайно «Свобода» являлась одним из главных оплотов диссидентов): разбивает советские святыни и официально чтимые авторитеты, саркастически высмеивает основополагающие принципы «злополучного социалистического реализма» [т. 4, с. 371], активно защищает опальных авторов — Пастернака, Солженицына, вообще подпольную литературу», которую называет, пере-

фразируя знаменитые слова Герцена, «обвинительным актом против диктатуры» [Там же, с. 380].

Одна из наиболее характерных в этом смысле записей — передача на тему «Пропаганда и литература». Чтобы изложить свое понимание советской литературы и советского процесса, Газданов мастерски использует форму диалога, в котором один собеседник — наивный иностранный журналист, увлеченный советской культурой, а второй — сам автор, открывающий ему глаза на истинное положение дел. В этой форме своеобразного диалога-путеводителя Газданов дает вполне определенную картину советской литературы. Отметим здесь лишь узловые пункты его рассуждений. Во-первых, он очень хорошо представляет, что «советская литература — это Солженицын и Кочетов, Пастернак, Ахматова, Мандельштам — и Демьян Бедный, Лебедев-Кумач и Михалков» [Там же, с. 376]. Имена первого ряда Газданов причисляет к русской литературе, «остальное — литература советская» [Там же, с. 377]. Главным свойством, главным признаком советской литературы Газданов считает ее пропагандный характер: «Литература с советско-партийной точки зрения должна быть прежде всего партийной, т. е. пропагандной» [Там же]. В преследовании своих «пропагандных» целей она достигает полного абсурда: «...не кто иной, как Хрущев, выступая на съезде писателей, сказал, что он считает прекрасной темой для романа тот факт, что в текущем году урожай картофеля превысил столько-то миллионов пудов» [Там же, с. 378]. «Цензура, — пишет Газданов, — всегда существовала в России», но «была запретительной», «а в советское время партийное руководство объясняет литераторам, что и как они должны писать» [Там же, с. 379]. Заканчивается передача словами, которые теперь кажутся пророческими: «Мне кажется, что эта литература станет русской тогда, когда она перестанет быть советской, то есть пропагандной и партийной. И это — мое личное убеждение — когда она вернется в то западное русло, из которого ее насильственно вырвал режим невежественных фанатиков — как бы они ни назывались: Сталин, Хрущев или Брежнев» [Там же, с. 381].

Еще более резко подвергаются критике все устои советского официального искусства в масонском докладе, прочитанном по следам обсуждения в Союзе советских писателей «вопроса о Пастернаке». Газданов саркастически парирует высказанные в адрес Пастернака обличительные реплики многих вполне авторитетных советских литераторов, не оставляя, так сказать, камня на камне.

Но есть среди постоянных лейтмотивов выступлений Газданова еще один, весьма показательный не только для образа мыслей писателя 1960-х гг., но и для понимания тех внутренних духовных перемен, которые в нем происходили. Это устойчивый мотив сравнения эмигрантской и советской литературы. Он звучит в отдельных передачах, его акцентирует Газданов в своих репликах за круглым столом с другими писателями и критиками, он присутствует в письмах к тем корреспондентам, с которыми предварительно обсуждаются темы их выступлений — будущие «скрипты». Вот, к примеру, суждение Газданова, произнесенное на круглом столе «О русской зарубежной литературе»: «И вот то, чем отличается уровень произведений эмигрантской литературы от того, что писалось в Советском Союзе, начиная с тридцатых

годов, это то, что все здесь было действительно на уровне европейской литературы; здешнее было, в этом смысле, гораздо выше» [т. 4, с. 437]. В другом месте эта же мысль варьируется: «Советская литература до самого последнего времени носила какой-то провинциальный характер... в то время как эмигрантская литература все-таки старалась каким-то образом держаться на уровне европейском» [Там же, с. 447].

В письмах Л. Д. Ржевскому и Ю. П. Иваску Газданов в плане совета предлагает все ту же тему. Ржевскому (22 января 1969): «Не хотели бы Вы написать, скажем, о литературной технике в Советском Союзе — о резком ее понижении по сравнению хотя бы с тридцатыми годами и о приближении к какому-нибудь бедному Златовратскому?» [т. 5, с. 230]; Иваску (9 апреля 1970): «Я хотел бы предложить Вам для дальнейших передач — двух или трех — следующую тему, которая мне кажется заслуживающей внимания: органическая разница между теми путями, которыми шли за все эти годы — советская и эмигрантская литература. С одной стороны — провинциализм, наивная дидактика и возвращение к Златовратскому и Решетникову. С другой стороны — попытка (удавшаяся или нет, это другой вопрос) быть на уровне, скажем, европейской литературы и в смысле тематики, и в смысле литературной техники» [Там же, с. 179].

Настойчивость этой мысли — об отсталости советской литературы и европейском уровне литературы эмигрантской — заставляет думать, что, быть может, подобное слишком однозначное сравнение было для Газданова воплощением той самой необходимой и требуемой на «Свободе» конъюнктуры, которую он признавал и которой тем не менее неизбежно поддавался. Если вспомнить высказывания Газданова 1930-х гг. на ту же самую тему, разница очевидна. Конечно, многого из того, что было создано в Советской России, Газданов не знал и просто не мог в 1950—1960-е гг. знать, но не понимать того, что понимали его собеседники по круглому столу Г. В. Адамович и В. В. Вейдле (подлинная литература должна рождаться на поверхности громадной толщи народной жизни, которой в эмиграции не было), — Газданов, разумеется, не мог.

Это видно, в частности, из его писем, где он с такой радостью, с такой готовностью поддержать относится ко всему «живому», пришедшему или вывезенному «оттуда» — из Советской России: уважительно и внимательно отвечает осетинской исследовательнице А. А. Хадарцевой, отыскавшей его в 1964 г. и завязавшей переписку; чистосердечно восхищается языком Л. Ржевского, который ему кажется «свежее и лучше нашего» (эмигрантского. — Ю. М.): «приятный, — не такой высохший, как у нас, проживших сто лет за границей» [т. 5, с. 207].

Леонид Ржевский, с его советским прошлым и непростой судьбой, вообще стал одним из самых любимых корреспондентов Газданова. Письма, ему адресованные, отличаются живостью интонации, сердечностью тона, многоаспектностью содержания, обилием игровых элементов. Часто Газданов использует в них (и это, без сомнения, говорит о его внимании к советской культуре и советской жизни вообще) различные советизмы, иронический смысл которых может понять и оценить корреспондент: «А о смерти думать не нужно — или

если думать, то, как говорят теперь на нашей родине, — “конструктивно”...»; «Нам, несчастным рабам капитализма, которые должны долбить все время какую-то примитивную ерунду — на уровне среднего колхозника, — это труднее» [т. 5, с. 208]; «По тому, насколько это безнадежно скучно, это можно сравнить разве что с толстой книгой о советском сельском хозяйстве» [Там же, с. 217]; «Что еще? Жалею, что у меня как-то не хватает времени, чтобы взяться за труд, давно задуманный: “История низового звена сельской кооперации в Вологодской области”. Жаль, тема хорошая» [Там же, с. 223]. Заметим еще в качестве особого наблюдения, что ни о советской политике, ни о военном прошлом и личной судьбе Ржевского в этих письмах нет ни слова. Если учесть сопротивленческий опыт Газданова, его восхищение непреклонностью и героизмом советских партизан, а с другой стороны — опыт Ржевского, ясно, что каким-то образом этот вопрос Газданов раз и навсегда для себя разрешил.

Конечно, с годами русских белых эмигрантов все дальше и дальше относилось от России, от внутреннего понимания того, что в ней происходило. Внешнюю суть процессов они улавливали, ибо внимательно следили за всеми средствами информации, читали, что можно было прочесть, общались с советскими и бывшими советскими гражданами, которых в Европе становилось все больше, но все равно это был взгляд со стороны. Они сами это чувствовали. Чувствовали и зачастую пытались оправдаться перед собой, хотя в этом не было никакой нужды. В какой-то мере комплекс несуществующей вины был, по-видимому, присущ и Газданову, человеку чрезвычайно совестливому и гипертрофированно честному. Во всяком случае, этим можно было бы объяснить его переоценку в 1960-е гг. в сторону резкого повышения роли и заслуг эмигрантской литературы. Этим можно объяснить и какую-то очень сокровенную, а с другой стороны — беспомощно-оправдательную и неожиданную для Газданова реплику все в той же беседе за круглым столом с Адамовичем и Вейдле: «При всем моем преклонении перед чудесным дарованием Анны Ахматовой, есть у нее что-то такое в ее литературной позе, что меня почти коробит. Это, когда она писала... что осталась со своим народом “в несчастье”, как сказано в ее “Реквиеме”. Да, она осталась со своим народом и имеет право этим гордиться. Но она должна была бы признать... что если другие поэты и другие писатели уехали из России, то не для того, чтобы спасти свою шкуру и свои текущие счета, а для того, чтобы иметь возможность говорить что-то такое, чего в России сказать было нельзя. Я уверен, что это будет когда-нибудь признано» [т. 4, с. 446].

Сегодня ясно, что на этот риторический вопрос, адресованный будущему, так и не нашлось определенного ответа. Судьба и история — ее конкретное воплощение — разделили русский мир и русскую культуру, развели в разные лагеря русских писателей. Определять на вес сделанное и созданное ими — дело совершенно бессмысленное, еще бессмысленнее и опаснее определять при этом степень их личного бесстрашия, бескорыстия и готовности пожертвовать собой. Что же касается обобщений, делать их чрезвычайно трудно, ибо каждый раз нужно учитывать громадное множество субъективных и объективных обстоятельств, бесконечное множество нюансов, которые почти никогда

в двух похожих случаях не совпадают. Положиться можно лишь на то, что Газданов в письме Зеелеру назвал «правилами элементарной порядочности» и чему сам следовал неукоснительно.

Динамика же восприятия советского мира и советской культуры интереснейшим прозаиком первой волны эмиграции Гайто Газдановым лишь показывает, что эта тема — тема взаимоотношений эмигрантских писателей с советским миром — важна и значительна не сама по себе, а как инструмент понимания живой творческой личности художника, ментально устойчивого и неизбежно изменчивого в ней.

Ваксберг А., Герра Р. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. СПб., 2010. [Vaksberg A., Gerra R. Sem' dnei v marte. Besedy ob emigratsii. SPb., 2010.]

Газданов Г. Вечер у Клэр : романы. М., 1990а. [Gazdanov G. Vecher u Kler : romany. M., 1990a.]

Газданов Г. Вечер у Клэр; Ночные дороги; Призрак Александра Вольфа; Возвращение Будды. Владикавказ, 1990б. [Gazdanov G. Vecher u Kler; Nochnye dorogi; Prizrak Aleksandra Vol'fa; Vozvrashchenie Buddy. Vladikavkaz, 1990b.]

Газданов Г. Призрак Александра Вольфа : романы. М., 1990в. [Gazdanov G. Prizrak Aleksandra Vol'fa : romany. M., 1990v.]

Газданов Гайто Собрание сочинений : в 5 т. М., 2009. [Gazdanov Gajto Sobranie sochinenij : v 5 t. M., 2009.]

Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ, 1995. [Dienesh L. Gajto Gazdanov. Zhizn' i tvorchestvo / per. s angl. T. Salbieva. Vladikavkaz, 1995.]

Красавченко Т. Н. Русская литературная эмиграция и политика: феномен Гайто Газданова // Русское зарубежье: приглашение к диалогу : сб. науч. тр. Калининград, 2004. С. 108—115. [Krasavchenko T. N. Russkaya literaturnaya emigratsiya i politika: fenomen Gajto Gazdanova / Russkoe zarubezh'e: priglashenie k dialogu : sb. nauch. tr. Kaliningrad, 2004. S. 108—115.]

Красавченко Т. Н. Эпистолярное наследие // Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 2009. Т. 5, С. 3—6. [Krasavchenko T. N. Epistolyarnoe nasledie // Gazdanov G. Sobr. soch. : v 5 t. M., 2009. T. 5, S. 3—6.]

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург, 2008. [Matveeva Yu. V. Samosoznanie pokoleniya v tvorchestve pisatelej-mladoemigrantov. Ekaterinburg, 2008.]

Поплавский Б. Ю. Человек и его знакомые // Поплавский Б. Ю. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 120—124. [Poplavskij B. Yu. Chelovek i ego znakomye // Poplavskij B. Yu. Sobr. soch. : v 3 t. T. 3. M., 2009. S. 120—124.]

Серков А. И. Массонские доклады // Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 2009. Т. 3, С. 729—7316. [Serkov A. I. Massonskie doklady // Gazdanov G. Sobr. soch. : v 5 t. M., 2009. T. 3, S. 729—7316.]

Статья поступила в редакцию 01.10.2013 г.